

MILHIST

INFO

Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI — нач. XVII вв.

Основываясь на обобщении сведений из широкого круга летописных и актовых источников, автор статьи рассматривает состав, организацию, численность, комплектование, вооружение, обеспечение и участие в походах воинских формирований северных территорий Русского государства вт. пол. XVI – нач. XVII вв.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2014/09/17/komarov>

Ссылка для печатных изданий:

Комаров О.В. Ратные люди Поморских городов вт. пол. XVI — нач. XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 1-36. <<http://www.milhist.info/2014/09/17/komarov>> (17.09.2014)

www.milhist.info

2014г.

РАТНЫЕ ЛЮДИ ПОМОРСКИХ ГОРОДОВ**ВТ. ПОЛ. XVI — НАЧ. XVII вв.**

Изначально в русских летописях термин «пешцы» (затем «пешие люди») чаще всего применялся для обозначения действий в пешем строю, то есть тактической ситуации. Лишь в ряде случаев его противопоставляли «конной рати» или «воинам», то есть можно заключить, что тогда речь шла о какой-то страте вооруженных людей. Рассмотрим подобные сообщения в источниках XV–XVI вв.

Так, в летописном известии о набеге крымского войска под Тулу в августе 1517 г., читаем: «татарове же то слышав великого князя воевод скоро възратишася; а наперед их задоша по лесом пешие люди украинные многие, да им дороги засекоша, и многих татар побиша; а передние люди от воевод приспевше конные, начаша татар топтати»¹. В Никоновской летописи, при описании зимнего набега Мустафы на Рязанскую землю в 1444 г., говорится, что против ордынцев, кроме мордвы, рязанских казаков и великокняжеских воевод, «пешая рать многа собрана на них с ослопы, и с топоры, и с рогатины»². В этих двух случаях речь идёт, скорее всего, о военизированном крестьянском населении на степном пограничье. Как представители подобной категории ратных людей наиболее известны крестьяне Комарицкой волости

В Записной книге Полоцкого похода указано, что в сентябре 1562 г. царь «велел послати голов детей боярских збирати пеших людей» на Вятку и в восточное Замосковье³. В имеющихся списках разрядных книг говорится, что в 1555 г. для похода в Финляндию была набрана рать, в которой, помимо 5 полков, ертаула, татарского корпуса и наряда, под командой 5 голов были «пешие люди» из пограничных городов: Корелы, Орешка, Копорья, Ладоги, Ивангорода с Ямом⁴.

Таким образом, «пешими людьми» в первой половине и середине XVI в. называли некую воинскую страту, набираемую с некоторых «беспокойных» приграничных земель (степного фронта, «казанской украины», уездов на границе с Финляндией). Её социальную структуру следует рассматривать индивидуально, в зависимости от социально-экономического различия регионов. После 1560-х гг. термин «пешие люди» в этом значении вышел из употребления, и их стали называть просто «ратными людьми». В период Смуты за ними утвердился термин «даточные люди», который изначально имел другой смысл.

В нашем исследовании будут рассмотрены рати Поморских городов, какими они стали в результате реформ Ивана Грозного, то есть во второй половине XVI — начале XVII вв. Сам термин «Поморские города» известен как устоявшийся в документах с 1609 г. К ним относились: Вятка (Хлынов, Котельнич, Орлов, Слободский, Шестаков), Пермь (уезды Чердынский, Кайгородский, Соликамский), зырянские земли (Вымский и Сольвычегодский уезды), уезды Двинский, Пинежский, Мезенский, Важский, Каргопольский, Устюжский, Тотемский, Кольский, Пустоозерский, Чаронда, Устьянские волости. До середины XVII в. в составе Водской пятины входили Лопские погосты, Обонежской — Заонежские. Поморские волости Соловецкого монастыря входили в Обонежскую (Сумская волость) и Водскую (Кемская волость, Пудожемье, Пебоозеро, Маслоозера, Мудлозеро) пятины.

Северные ратники Русского государства в XV— нач. XVI вв.

О северных землях в период их включения в Русское государство известно в первую очередь по Устюжской летописи (далее — УЛ), составленной в начале XVI в. и известной в поздних списках⁵, а также по поздней Вычегодско-Вымской летописи (далее — ВВЛ)⁶. Согласно последней в 1364 г. под власть Москвы попало Ростовское княжество с устюжскими и пермскими (вычегодско-пермскими) землями, а в 1451 г. московский князь создал удельное Вымское княжество, ликвидированное в 1502 г.

В начале XV в. под влияние Москвы попала Вятка, и в 1409 г. отмечен первый поход вятчан, имевших статус подданных великого князя — неудачный поход по Каме на Болгарию⁷. Устюжане упоминаются новгородской летописью в составе московского войска в 1386 г., во время похода на Новгород⁸. Впрочем, УЛ это не подтверждает, а в московских летописях нет росписи состава этой рати. В Симеоновской летописи говорится, что в 1390 г. новгородцы и устюжане по реке Вятке совершили успешный поход к Волге⁹. Первое упоминание в УЛ похода устюжан по повелению московского князя — поход на новгородское Заволочье в 1401 г.¹⁰ Весной 1468 г. отмечен первый Камский поход к Казани, в котором совместно участвовали вятчане, устюжане, кичемжане, «казаки» (добровольцы) из великокняжеского двора, вологодцы¹¹. В 1417 г. московский князь послал на Двину рать, в которую входили «галичяны, и устюжане, и вятчане» (согласно ВВЛ: «устюжаны, вычегжаны, вятчаны»)¹². В УЛ говорится о набеге в 1425 г. на Двину устюжан¹³, а в ВВЛ записано: «устюжаны и вычегжаны». Поэтому можно утверждать, что вымское войско входило в состав устюжской рати. Вымичи действовали вместе с устюжанами и после образования Вымского княжества. Летом 1465 г. по повелению московского князя был совершён поход на Югру, в котором, согласно УЛ, участвовал устюжские «хотячие люди» и отряд вымского князя¹⁴. В августе–сентябре 1469 г. состоялся поход на Казань «всею силою московскую и устюжскою, и конною и судовою», причём устюжане перед этим прорвались через Каму к Нижнему Новгороду¹⁵. ВВЛ, ошибочно помещая эту операцию под 1471 г., описывает её так: «Повеле князь великий Иван брату своему Юрью с устюжаны, галичаны, белозерцы, вычегжаны, пермяки с ратью коною и судовою пойти на казанцов. Стоял Юрий под Казаню 5 дней, к городу не приступал, ожидаючи белозерцев и чердынцов, а чердынцы, убоясь не пошли, за казанцов задалися».

Согласно ВВЛ, в 1451 г., одновременно с образованием Вымского княжества, московский князь посадил своего ставленника княжить в Перми Великой, а в 1462 г. туда был поставлен епископ. Последнее событие можно

сопоставить с известием под тем же годом в УЛ — тогда был совершён речной поход на Пермь и черемисов силами устюжан, вологжан и галичан¹⁶. Таким образом, Великая Пермь попала под московское влияние и в 1467 г. «вятчан 120 человек ходили на вогуличи да с ними пермяки; вогуличь воивали, а князя вогульского Асыку и на Вятку привели»¹⁷. Как отмечалось выше, во время войны с Казанью в 1469 г. московское влияние в Перми пошатнулось, и в 1472 г., согласно ВВЛ, «князь великий Иван повеле воеводе устюжскому Федору Пестрому с устюжаны, белозерцы, вологжаны, вычегжаны воевати Пермь Великие по тому перемене за казанцов норовили». В результате Пермь была окончательно подчинена, в 1505 г. Пермское княжество было упразднено. Вологодско-Пермская летопись (далее — ВПЛ) сообщает, что весной 1483 г. «отпустил князь великий с Москвы на князя на Вогульского на Асыку воеводу своего Ивана Ивановича Салтыка, а с ним своих детей боярских да устюжан, да вычегжан, да вымич, да великопермьцов; и поидоша в судех»¹⁸. В походе, согласно УЛ, участвовали «устюжане и вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки»¹⁹. В ВВЛ названы «вологжаны, устюжаны, белозерцы, вычегжаны, вымичи, сысолечи и чердынцы». ВПЛ говорит об участии пермяков в Каянском походе 1496 г.²⁰ и Югорском походе 1499 г.²¹ Но другие источники это не подтверждают, либо же здесь имелись ввиду зыряне. Видимо пермская рать предназначалась для защиты своей границы, и до 1545 г. об её походах ничего не говорилось.

В 1471 г. был совершён Двинской поход силами судовой рати, в которую входили «устюжане, да вологжане, да вятчяне», а противостоявшая им судовая рать включала новгородцев и двинян²². В результате новгородская Двинская земля была присоединена к Русскому государству. УЛ сообщает, что в 1488 г., «до осени» Устюг охраняли от возможного вятского нападения «двиняне, важане, каргопольцы». В Вятском походе 1489 г. судовую рать составляли «устюжане, и двиняне, и важане, и каргопольцы, и белозерцы, и вологжане, и вычегжане, и вымичи, и сысоличи»²³. Это первое упоминание о службе двинян московскому князю.

С ликвидацией самостоятельности Вятки в 1489 г. окончательно сформировался состав Северной рати Русского государства и определилась сфера ее применения. Ушли в прошлое взаимные походы на Двину, Устюг и Вятку. Двинские и Устюжские земли перестали подвергаться постоянной опасности. В 1496 г. в морском Каянском походе участвовали, согласно УЛ, «устюжане и двиняне»²⁴, а согласно великокняжеской летописи — «устюжане, двиняне, онежане, важане»²⁵. УЛ говорит, что в 1499 г. государь «послал рать во Югру лыжную устюжан да вычягжан, вымич, сысолян, двинян, пиняжан»²⁶. А великокняжеская летопись отмечает, что воеводы были с «устюжаны, и з двиняне, и с вычегжане, и с вятчане»²⁷. В 1503 г. «князь великий посылал ратью устюжан да двинян стеретчи Ивангорода от немец»²⁸. Надо полагать, что под двинянами здесь так же, как и в сообщении о Каянском походе 1496 г., подразумевались и онежане (каргопольцы), и важане. В 1513 г. «стоял Семён Воронцов, а с ним и устюжане на перевозе на Кошире»²⁹. Летом 1515 г. «стояла сила устюжская заставою на стороже на Оце реце, на усть реки от Орды»³⁰. Это первое упоминание использования северных ратников для защиты Берега, в связи с общими мероприятиями по усилению его обороны, зафиксированными с 1512 г. Очевидно, что помимо устюжан, должны были быть ратники из других северных земель. После сообщения 1516 г. в списках УЛ есть только фрагменты по некоторым годам, поэтому нельзя проследить, выдвигали ли в последующем устюжан на Оку. Под 1532 г. записано: «поголовная была с Устюга к Вятка, а воевода Терентъеи Забела»³¹. Тут речь идёт о привлечении устюжан к обороне Вятки из-за опасности нападения казанцев. За 1530–1540-е гг., когда отмечались постоянные казанские набеги, в УЛ известий почти нет, вследствие чего неясно, насколько подобная практика была тогда распространена. Очевидно, что к обороне границы привлекались не одни устюжане.

УЛ содержит сведения об оснащении и численности северных ратников. Хотя летописец отличается склонностью к преувеличениям, но как раз сведения о числе устюжан и вятчан выглядят реалистичными. Под 1436 г.

говорится, что князь Василий Юрьевич Косой «вятчан отпустил 400 человек в судех вверх по Воze к Ярославлю», и описывается как они взяли в заложники князя Александра, «и стоячи над князем и над княгинею с копьи и с топоры»³². Летом 1469 г., во время похода по Каме, судовая рать билась с казанской флотилией: «устюжане билися; а князь Василеи Ухтомской велми бился и бил их, скачучи по судам ослопом <...>. А устюжане сквозе рать татарскую пробилися, да и князь Василем Ухтомской, да и ушли к Новгороду Нижнему. <...> А всех устюжан изгибло 110 человек. <...> И князь великий <...> послал ужину запас устюжаном: 700 четвертей муки, 300 пудов масла, да 300 луков, 6000 стрел, да 300 шуб бараньих, да 300 однорядок сипских, и лунских, и новогонских, и трекумских, да 300 сермяг»³³. Из этого можно заключить, что Вятка отправляла в поход 400 ратников, Устюг (вместе с зырянами) — 410. Основным вооружением являлся лук, холодное оружие было представлено рогатинами и топорами, военачальники имели булавы.

Весной 1468 г., в условиях угрозы казанского нападения, вятчане смогли выделить в Камскую флотилию 300 ратников³⁴. Данные о 3970 вятчанах и устюжанах, которые в 1471 г. сражались на Двине с 12 тыс. двинянами и новгородцами, являются явно завышенными³⁵.

В Новгородской первой летописи под 1445 г. говорится: «Василии Шенкурской и Михаила Яколь, воеводы новгородчкьи, поидоша ратью заволочкою въ трех тысяцахъ на Югру»³⁶. Такое количество для похода на Урал кажется огромным. Хотя в этой летописи не видно преувеличения численности своих войск, но в данном случае речь идёт не о собственно новгородской рати. Далее читаем: «Югрици... скопившеса и ударившеса на острогъ на Васильевъ, и много добрых людеи, детеи боярьских и удалых людеи избиша 80; и бе жалостно слышати убьенье их. А Василии убежа съ сыном своим Семеоном в мале дружине, а иныи разбегошася по лесу; а другыи воевода Михаила Яколь в то время был во инои реке, и потом Михаила приехалъ к Васильеву острогу и виде острог разорен, а своих побитых, а иныя разбегъшися, и нача искати своих по реце; и скопишася к нему Василеи с сыном и иная и вси, и приехаша в свою

землю». Как видим, основная часть войска расположилась в одном остроге и в ходе полного разгрома потеряла 80 воинов. Можно предположить, что всего в этом отряде и было 80 воинов («избиша» по смыслу отличается от «убиша»). Для сравнения: в 1193 г. на Югру ходило 172 новгородца³⁷. Некоторое представление о численности ратников Заволочья в конце XIV в. может дать сообщение, что в 1375 г. 1500 новгородских ушкуйников напали на Кострому, а когда московский князь взял за это в качестве компенсации с Новгорода 8000 рублей, то новгородцы 5000 из них возложили на Заволочье³⁸. Следовательно, заволочан всего получается 900-950 человек.

В Разрядной Книге 1475–1598 гг. говорится о Югорском походе 1499 г.: «Того же лета послал князь великий в Югорскую землю на Куду и на гогуличи воевод князя Семена Курбского да князя Петра Ушатова, да Василья Иванова сына Гаврилова. А со князем Семеном детей боярских Цыгора да Володю Сугорских, да вятчан, которые живут в московской земле, Костю Якошева сына Пугвина, да Леву Иванова сына Алексеева, да Петрушу Попова; а устюжан с ним 1304 ч., а вымеч и вычегжян 500 человек. А со князем Петром Ушатом дети боярские: вологженя Микита Тимофеев сын Матафтин да Микита Пушкиков; да вятчан, которые живут в московской земле, Гаврило Софонов, да Ивашка Сенкин сын Бобровникова, да Ивашко Якушкин; а двинян с ним и важан, и пенежан 1920 ч. А с Васильем Ивановым Гаврилова дети боярские: вологжане Сиг Савельев, да Федко Неправдин; да вятчане, которые живут в московской земле, Якуш Татаринов да Гридя Ивашков сын Татаринов; а вятчан с ним: 200 ч. руси да 100 ч. арян, татар и остяков»³⁹. Несмотря на то, что это наиболее ранние количественные данные из сохранившихся разрядных записей, все же перед нами не оригинал разряда, а поздние выписки из него, что заставляет критически рассматривать эти цифры. Никогда больше мы не видим такого огромного войска, совершавшего поход за Урал. Сама возможность пребывания столь большого числа людей всю зиму в Югре кажется невероятной. Обращает на себя внимание то, что у третьего воеводы было вшестеро меньше ратников, чем у каждого из остальных, тогда как голов в его

подчинении состояло четверо, а у других воевод — по 5. Смущает также указание численности устюжан и двинян до последнего человека, чего обычно в подобных документах не наблюдается. Есть все основания сомневаться, что эти цифры, кроме как для вятчан, соответствовали хотя бы номинальному числу ратников, которые должны были быть выставлены.

ВВЛ сообщает об Югорском походе: «повелев князь великий Иван воеводам своим князю Петру Ушатому да князю Семену Курбскому да Василью Бражнику на Югорскую землю да на Куду на Вогуличи, а с ними ярославци, вятчаны, устюжаны, двиняне, важане, пенежане да князи Петр да Феодор дети Васильевы Вымского с вычегжаны, вымичи, сысолечи 700 человек. Шедшу князь Петр Ушатой с вологжаны, двиняны, важаны Пенегою, Колою, Мезенью, Пезою, Чильмою на Печору-реку на Пусту, идучи самоедцов за князя великого привели. А князь Семена да Василья Бражника со вятчаны, устюжаны, вычегжаны сождався здесь, городок заруби для людеи князя великого». Летопись подтверждает не только разделение рати на полки, указанное в разрядной записи, но и состав — упоминание ярославцев вначале явно случайно, потом говорится о вологжанах. Из сообщения неясно — было ли всех воинов 700, или только зырян. Но, в любом случае, если ориентироваться по данным о походах за Урал в конце XVI в., то это максимально возможное число, даже учитывая разделение на две группы.

Хотя каждый раз прямо об этом не говорится, но ясно, что ратники в теплое время передвигались на судах, а в описаниях Камских походов даже встречаются речные битвы. Согласно Московской летописи, ратники в Пермском походе 1472 г. шли на плотах, а затем верхами⁴⁰. Также видно, что в случае зимнего похода воины использовали лыжи.

Из приведённых выше летописных сведений следует, что совместно с устюжанами и вятчанами в речных походах участвовали галичане в 1417, 1462, 1483 гг., белозерцы и галичане в 1469 и 1472 г., вологодцы и белозерцы в 1489 г. В походы 1462, 1468, 1469⁴¹, 1471, 1472, и 1489 гг. ходили вологодцы. В документах 1560–1610 гг. нет упоминаний, чтобы в Вологодском уезде были

ратники, выставляемые тяглой общиной, но значительный слой детей боярских в Вологде прослеживается в источниках XV–XVI вв.⁴² В Галиче и Белоозере выставляемые тяглыми общинами воины известны, но нельзя прямо сказать, были ли в указанных походах только дети боярские, или же ещё и «пешие люди».

Волжские походы 1540–1550-х гг.

При описании Казанских войн в Никоновской летописи не раз упоминаются флотилии «вятчан», выдвигающиеся по Каме: в 1545 («вяцкие воеводы») ⁴³, 1551 ⁴⁴, 1552 ⁴⁵, 1553 гг. ⁴⁶ «Вятчане» же в 1554 и 1556 гг. участвовали в составе судовой рати в походах на Астрахань ⁴⁷. В одном из списков летописи, после рассказа про окончание похода 1545 г., внизу страницы добавлена запись: «а Внучко Лвов с пермичи к великого князя воеводам не поспел, а пришёл в судех опосле и Казанские люди его побили и самого убили»⁴⁸. Можно предполагать, что под началом «вятских воевод» были не одни вятчане, но и пермяки, не успевшие к назначенному сроку. Это первое упоминание о назначении пермичей в поход после 1483 г. В другой летописи про события 1545 г. записано следующее: «с Вятки с вятчаны и с двиняны и с устюжаны посылал воеводу»⁴⁹. Поэтому есть основания считать, что и в прочих случаях под «вятчанами» понимались ратники из других северных земель, а назвались они так обобщённо потому, что флотилия собиралась в Вятке. Из сообщения 1552 г. следует, что в составе «вятчан» были ратники из Устюга: «С Вятки велел идти на Каму Пауку Заболотскому с Устюжскими волостели и Вятцкими, а с вятчаны велел итти Григорию Сукину. И велел князю Михаилу поставити по всем перевозом по Каме и по Вятке детей боярских и стрелцов и казаков и вятчан». Об участии пермичей в Астраханском походе 1554 г. сообщается в письме от царя польскому королю в сентябре этого же года: в поход отправили «казанских людей, да вятчан, да пермичь, да нижегородцов»⁵⁰.

В разрядных книгах говорится, что в сентябре 1554 г. среди прочих ратных сборов «на Устюг царь и великий князь послал Микиту Васильева сына Борисова. К Соли Тимофея Пухова сына Тетерина. На Вагу Василья Гундорова

сына Тетерина. На Вятку Игнатъя Ушакова сына Заболоцково да Елизарья Девятово сына Ржевсково. В Пермь Мисюря Григорьева сына Зюзина. А велел им государь итти в козанские места с устюжскими людми Миките Борисову да Тимофею, да Тетериным, а с Вятки Игнатью Заболоцкому, да Елизарью Ржевскому, да Игнатьеву брату Заболоцково Федору, а ис Перми Мисюрю Зюзину»⁵¹. Это ещё одно свидетельство, что в походах наряду с вятчанами участвовали устюжане, важане, зыряне, пермичи.

Полоцкий поход 1562–1563 гг.

В Записной книге Полоцкого похода указано, что в сентябре 1562 г. царь «велел послати голов детей боярских збирати пеших людей: на Вятку — Меншика Истленьева, а велено ему собрати 500 человек да 25 человек пищалников, вполы прежнего наряду; на Балахну — Молчана Семенова сына Миткова, а велено собрати з Балахны 50 ч., с Юрьевца 60 ч., с Корякова и з Белогородья 50 ч., и всего ему собрати 160 челов., а собрати вполы прежнего наряду; на Кострому — Гаврила Левашова, а собрати ему 100 человек; в Галич — Ивана Судокова, а велено собрати 100 ч.; в Унжу, в Парфеньев и в Каликино — Василья Губина, а собрати ему 100 ч., вполы прежнего наряду; в Шишкилево, и в Судан, и в Жехово, и в Верх-Костромьи — Тучко Отяев, а собрати 100 ч., вполы прежнего наряду; к Соли Галитцкой — Васка Шереметев сын Хлуденев, а собрати 60 ч., вполы прежнего наряду. На Чюхлому и в Окологородье — Иван Микитин сын Мясного, а собрати ему 50 ч., вполы прежнего наряду. И наказы им по государеву приказу даны, чтоб выбрали людей на конях в саадацах, которые бы люди были собою добры и молоды и резвы, из луков и из пищалей стреляти горазда, и на ртах ходити умели, и рты у них были у всех, и наряду б у них было саадак или тул с луком и з стрелами, да рогатина или сулица, да топорок.»⁵².

Далее говорится о результатах сбора: «Да со царем же и великим князем будет из городов зборных людей: с вятчаны Меншик Истленьев, с ним вятчан 500 ч. да 25 ч. пищальников; з Балахны, из Юрьевца, из Корякова, из

Белогородья 160 ч., збирал их Молчан Митков; да с Молчаном же будет из Галича 100 ч., збирал их Гриша Литвинов; с Унжи, и с Парфеньева, и з Каликина 100 ч., а збирал их Василей Губин; и всех будет с Молчаном 360 ч.; костромич 100 ч., збирал их Гаврило Левашов, да з Гаврилом же будет из Кишкилева, из Судая, из Жехова, из Верх-Костромья 70 ч., збирал их Тучко Отяев; от Соли Галитцкой 60 ч., збирал их Васка Шереметев сын Хлуденев; чюхломцов 50 ч., збирал их Иван Мясного; и всех будет с Гаврилом 280 ч.; и всех тех людей 1165 ч.»⁵³ Таким образом, по факту собрали на 30 человек меньше наряда. «Прежний наряд» следует отнести к периоду прошедшей Черемисской войны, которая происходила на границах или вблизи земель, откуда выставлялись эти ратники. Их распределили на три полка — по 525, 360 и 280 чел. соответственно. В Никоновской летописи имеется запись о гарантиях безопасности капитулировавшему гарнизону, в которой упоминается участие в Полоцком походе вместе с вятчанами пермичей⁵⁴. Отсюда следует вывод, что среди 525 «вятчан» часть были пермичами, а возможно также ратниками из некоторых других Поморских городов.

В Записной книге впервые прослеживается способ набора «пеших людей», известный по последующему периоду. Территорию обязывали выставить определённое число оснащённых ратников. Так как сборщики должны были следить за их качеством, то очевидно, что это были люди, ещё не внесённые в списки, то есть ещё не проверенные. Если Вятка в поход выставляла только «пеших людей», то уезды Замосковья одновременно и детей боярских, и «пеших людей», надо полагать — с чёрных и дворцовых земель. Для сравнения, в том же документе назван 1491 сын боярский из тех же мест: 745 костромских (на 100 костромских пешех людей), 250 галичских (на 380 пешех людей с Галича, Унжи, Кишкилева, Соли Галицкой, Чухломы), 146 юрьевских (на 60 пешех людей), 350 нижегородских (на 100 пешех из Коряковой слободы, Белогородской волости, города Балахны).

Комплекс вооружения с XV в. поменялся мало — огнестрельное оружие только начало распространяться. Не следует думать, что «саадак» и «тул с

луком» или «рогатина» и «сулица» — это разные типы оружия. «Сулица» и «тул с луком» — это выходящие из обихода термины, которые впоследствии не встречались. Заметно некое противоречие между фразами «пеших людей... и рты у них были у всех» и «выбрали людей на конях в саадацах». Видимо это следует понимать так, что основным оружием был саадак, а эти ратники, хотя и передвигались на лыжах, имели также коней для транспортировки запасов.

Разряды 1572–1598 гг.

От 1570-х гг. до нас дошли поздние разрядные списки, фиксирующие участие ратников северных и восточных уездов в войнах. Из них можно узнать про территориальный состав, численность, а также тактику их действий на Берегу, которые к этому времени имели полувековую предысторию. В 1572 г. была собрана рать на Оке. В большом полку состояло «галичан и коряковцов и костромич и балахонцов 1000 человек с их головами». Также «у передового же полку вятчане в струзах на реки 900 человек»⁵⁵. Как видим, по сравнению с Полоцким походом ратников из восточного Замосковья выставили больше в полтора раза, а «вятчан» — в 1,7 раз. Ока была ближе, чем Полоцк, а «вятчан» могло быть больше за счет того, что список «поморских городов», с которых назначался набор, расширили. Тактика обороны Берега описывалась в государевом наказе: «Вятчаном стояти в струзах в Колуге да с ними казаков польских наемных с пищальми 1000 и з двема головами. А от Колуги б по вестем послати их, по цареву приходу смотря; буде царь пойдет на прямое дело, а не для войны, а Оку вверху перелезет, а пойдет на Волхов старою дорогою, и бояром и воеводам тем головам с вятчаны в струзах и головам с казаки с пищальми велети спешити к Жиздре, да по тем воротом, по засекам, по лесом по обеим сторонам в крепких местех стать с пищальми и с луки, где как пригоже, и на перелазех и в крепких местех на лесех на крымских людей приходити и лести мешати»⁵⁶.

Можно предполагать, что и волжские ратники были в стругах, также взаимодействуя с остальной тысячью наемных казаков-пищальников. То, что на

1900 «пеших людей» приходилось более 2000 казаков с пищалями, можно объяснить необходимостью усиливать ратников, ещё далеко не полностью оснащенных «огненным боем». Для сравнения, состав отряда под Москвой, перечисленный в разрядной записи за 1606/07 гг.: «Быть в Красном селе для обереганья от воров <...> голова Иван Козлов, а с ним 5 (ч) сотников, да 408 (ч) стрелцов Пимена приказу Гурьева, с 2 сотниками, 195 (ч) стрелцов с головою с Замятнею Скобелцыным, охочих людей 100 (ч) с головою с Тимофеем Остреневым, охочих людей 100 (ч) с сборщиком с Никитою с Колычевым, с Каргополя да с Турчесова 88 (ч), да с ними ж с Чаранды 23 (ч) пеших, с Двины с 2 сотники с Богданом с Нееловым да с Смирным Чертовским 200 (ч), с Выми с сотником с Максимом Резиковым 47 (ч). А наряду с ними 10 пищалей полковых с ядры и с зельем и со всякими запасы, ядро по гривенке»⁵⁷. То есть на 603 стрельца было 558 охочих людей и поморских ратников. Таким образом, на определённое количество ратников с луками и пищалями выделялось несколько большее число стрельцов или казаков с пищалями.

Летом 1576 г. на Оке была собрана судовая рать. В разрядной записи отмечалось: «В большом полку в плавной воевода князь Микита князь Васильев сын Тюфякин да голова Борис Нарышкин, а с ним вятченя; да в большом же полку головы Залешенин Волохов, а с ним пермичи, Михайло Чюбаров да Племянник Бурцев, а с ними двиняне, киношемцы горохвленья, балахонцы, юрьевченья; да с Михайлова города головы Захарей Патекин, Иван Хотянцов, а с ними донские атаманы и казаки.

В передовом полку голова Иван Романов сын Писарев, а с ним галичане, коряковцы; да в передовом же полку головы Степан Волков да Образец Ильин сын Левонтьев, а с ними устюжаня, тотмичи; Давыд Фустов, Иван Уваров, а с ними донские атаманы и казаки.

В сторожевом полку голова Иван Микитин сын Мясной, а с ним белозерцы, ярославцы, костромичи; да в сторожевом же полку головы Ондрей Тимофеев сын Крюков, а с ним нижегородцы, муромцы; Иван Фериллов, а с ним важане; Петр Волосатой, а с ним усольцы, вычегженя; да в сторожевом же

полку из Рясково головы Григорей Павлов да Григорей Писарев, а с ними донские атаманы и казаки»⁵⁸. Здесь опять видим смешанный состав судовой рати из «пеших людей» и казаков, под началом шести голов. Таким образом, ориентируясь на роспись 1572 г., можно предположить, что их было порядка 3000 чел. В 1577 г. опять упоминалась плавная рать на Оке⁵⁹. Затем она была отмечена там же в 1598 г.⁶⁰ Тогда для обороны Берега Борис Годунов «послал по всем городом, велел служилым людям збиратись тотчас, и у ногородцкой украине всем людям быти в Серпухов; и козанскую черемису и вятчан, и всех завольских городов датошных людей собрати к заселкам»⁶¹. В плавной рати предписывалось быть «ратным людем из городов и патриаршим, и митрополичим, и владычным, и боярским, и дворянским, и монастырским даточным пешим дюдем с пищальми з головами по росписи»⁶². Таким образом, в 1598 г. в плавной рати опять пребывали воины из Вятки, а возможно и других Поморских городов, и восточного Замосковья («заволские города»).

В 1579 г. для несостоявшегося похода в Ливонию было набрано 4580 ратников: «вятчан, галичан, унжан, ис Парфеньева, ис Калинина, ис Суздали, ис Соли, из Чухломы, с Окологородья, с Костромы, ис Корякова, из Белогородья, из Юрьевца, ис Кусива, из Немды, ис Ышкилева, из Лещова, из Жохова, из Балахны, из Ерославля, из Белоозера, из Луху, из Нижнева Новагорода, из Мурома, из Гороховца, с Кинешмы, ис Мещеры, з Двины, с Вычегды, ис Соли Вычегоцкой, ис Пенеге, с Устюга, ис Тотмы, ис Каргополя, ис Перми. И обоево тех людей 17580 человек»⁶³. Если сопоставить последнее число с итоговым составом всей рати, приведённом в этом списке, то ясно, что речь идёт не 17580 чел., а о 7580. То есть вместе с 4580 ратными людьми было ещё 3000 неуказанных воинов — очевидно, что имелись ввиду 3000 наёмных казаков с пищалями. И далее, при описании боевых действий, упоминаются отряды донских казаков. Можно предполагать, что эту плавную рать собирались использовать при осаде Риги или Ревеля.

Состав ратных людей был серьёзно расширен по сравнению с набором 1562 г. Разряд 1579 г. более детально расписан, чем в 1576 г.: упомянуты все

места Замосковья, названные в ЗКПП. Здесь Кусив и Немда, из разряда 1579 г., примыкают к Юрьевцу, а наряд «из Кишкилева, из Судая, из Жехова, из Верх-Костромья» 1562 г. по расположению соответствуют наряду «ис Ышкилева, из Лещова, из Жохова» 1579 г. — это всё районы к северу от Чухломы. Называются ратники из Поморских городов: Перми, Устюга, Тотьмы, Ваги, Двины, Вычегды. В записях 1579 г. также названы Каргополь и Пинега (в списке 1576 г., вероятно, примыкали к Двине). В разряде 1576 г., помимо ратников с прежних земель Замосковья, перечислены ратники из Белоозерья, Кинешмы, Гороховца, Ярославля, а также Муром и Нижнего Новгорода. В 1579 г. названы также ратники из Луха, Мещеры, Суздаля. В наряде 1576 г. эти места возможно также подразумевались: Лух и Суздаль вместе с Кинешмой, Гороховцем, Балахной и Юрьевцем, Мещера — вместе с Муромом и Нижним Новгородом.

В Московском летописце XVII в. даётся численная роспись людям, участвовавшим в Молодинской битве 1572 г. Она не соответствует реальным разрядным записям по этому сражению, но напоминает общую роспись ратным людям Русского государства тех лет. Там указаны «поморских городов ратных людей, пермичь, вятчен, коряковцов и иных 5000»⁶⁴. Это очень похоже на записи разряда 1579 г. Летописцы часто переписывали разрядные повести, в которых были лишь отрывочные численные данные по некоторым формированиям. Но практически нигде нет сведений, чтобы летописец имел под рукой разрядную полковую роспись. Данные о численности ратей, а тем более всего войска, тщательно скрывали, пытаясь добиться того, чтобы противник имел преувеличенные цифры. Могло быть так, что эти сведения действительно относились к Молодинской битве, но представляли собой как раз то, что пленные должны были сообщать неприятелю.

«Плавные казаки»

В копии XVII в. до нас дошёл направленный в Яренск документ директивного характера, датируемый 1582 г.⁶⁵ Начинается он словами: «Список

з государственной грамоты о ямском деле у еренчан с усольцы 7090-го году». Отсюда обычно делается вывод, что речь идёт о ямской службе и ямских деньгах. Но далее, по тексту самого документа, ничего о ямской службе не говорится. В целом он посвящён упорядочиванию распределения повинностей между Солью Вычегодской и Яренском. Большею частью в тексте говорится о «плавных казака»/«плавных людях», а также о «подъёмных деньгах». «По нашему указу на Вычегодцкую Соль на посад и на уезд на 80 на 7 сох и на Еренской городок, и на Вымь, и на Сысолу, и на Удору [выше говорится, что у них было «сошного письма 30 сох с четвертью и пол-пол-четверти сохи»] положили имати полтретья ста человек плавных казаков, и в ту полтретья ста человек вам довелось де было по сохам четвертая доля, а усольцам де довелось было 3 доли, и усольцы де вам сильно в те плавные казаки накинули на вас 100 человек, а себе де взяли полтора ста человек. И вы де животишки свои исценили, а те казаки платили. И после де того в 86-м году били есте нам челом, что вам так не в-ызмогу плавные казаки лишние сверх своих за усольцев платить... И после де того по нашему указу велено на Вычегодцкой Соли и на уезд, и на Еренской городок, и на Вымь, и на Сосолу, и на Удорскую землю на всех прибывать плавных казаков 50 человек. И те де усольцы взяли себе 30, а на вас де накинули 20 человек». Из текста не видно, чтобы эти плавные казаки несли ямскую службу, но записано: «во 88-м году те же усольцы посылали к вам на Еренской городок и в уезд недельщиков из наших из Дворовые четверти в том: как де Бархат Кокорев приезжал к Вычегодцкой к Соли казаков брать, как наш поход в немцы был, и они де у Вычегодцкой Соли нашего наказу не послушали, и Бархат де Кокорев бил нам челом на Семена да на Максима на Строгановых и на всех усольцах. По нашему де указу, по их вине на Семене да на Максиме и на всех усольцах доправлено пеня наша».

Выше речь явно шла о несостоявшемся государевом походе 1579 г., в конце же подытоживается: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы за те наши плавные люди по нашему указу деньги привозили з данью вместе к Москве и платили на нашем на Казенном дворе, а с Казенного двора те деньги

за плавные люди отсылают по нашему указу, где им велим быти. А из ыных приказов посланников к вам въезжать не велели, и подъемных денег вам в нашу Дворовую четверть платить не велели же. А коли велим на вас плавные люди взяти налицо людьми, и вы б наши посланники, которые учнут приезжати для тех плавных людей по прежней нашей грамоте, какова с ними послана к усольцам за приписью дьяка нашего Андрея Арцыбашева, и по сей нашей грамоте имали на Вычегде Еренсково городка и на Выми, и на Сысоле, и на Удоре те наши плавные люди, счетчи по сохам с 30 сох с четвертью и с пол-пол-четверти сохи по нашему наказу, что доведетца, и лишка б естя за усольцов на вычегжанех не имали».

Если игнорировать заголовок копии XVII в., то мы видим, что документ говорит о повинностях выставлять «плавных казаков», либо платить за них деньги, когда участие не требовалось. Упоминание о «немецком государевом походе» явно говорит про назначение этих людей. Уже само их количество слишком значительно для «ямских охотников». Можно полагать, что в заголовке изначально могло быть записано «земское дело» вместо «ямского».

Не следует сразу делать вывод, что в 1579 г. в плавную рать вычегжане выставляли 300 ратников. Это могла быть полная норма, а в дальний поход шло и меньше. По писцовым книгам 1585–1586 гг. в Вымской земле было 1935 крестьянских дворов⁶⁶. Таким образом, при норме в 75 человек, одного ратника выставляли с 26 дворов. Из документа видно, что наряд внутри региона распределялся по местным сохам — вплоть до середины 1610-х гг. сохи в различных регионах были разные. Понятие «плавные казаки» или подобное ему никогда не встречалось в указах о мобилизации, видимо это был местный термин. На Севере «казак», в отличие от других регионов, определённо означало наёмного работника из числа людей, не записанных в тягло. По документу 1554/55 г. — откупной таможенной грамоте на Каргополь и Турчасов, видно, что уже тогда этот термин устоялся, и этих самых «казаков» было достаточно много⁶⁷. Таким образом можно сделать вывод, что «пеших

людей» территориальные общины нанимали из тех, кого на севере называли «казаками».

В документах о налогах и повинностях в Поморских городах больше нет упоминаний о выплате в казну денег за «ратных людей» в те годы, когда их не выставляли в поход. Так, согласно грамоте 1589 г., сольвычегодский посад давал «дани, и запросу, и за поминочные за черные слоболы, и ямских и приметных денег, и за посошные люди, и за городовое и за засечное и за ямчужное дело, и за поплужную пошлину, и соколя оброку, и казначеевых и дьячих, и подьячих пошлин, и за праветчикову за поворотную пошлину, тридцать четыре рубли и семь алтын четыре денги, с сохи по шти рублев и по двенадцать алтын по две деньги; да пищальных денег рубль и двадцать два алтына с денгою, с сохи по десяти алтын и по две денги»⁶⁸. Видимо плата за «плавных казаков» была включена в выплаты за «посошных людей».

О «плавных казаках» упоминается ещё в одном документе. В льготной царской грамоте Николо-Угрешскому монастырю перечислены повинности и выплаты, от которых освобождали монастырские владения: «данная, и ямская, и полоненичные, и подможные денги, и плавные казаки денег не дают, и за емчужное, и за городовое дело, и за засечное денег не дают же, ни тамги, ни мыта, ни явки, ни перевозу, ни померу, ни посошных людей ни в которые города не дают»⁶⁹. Из этого документа видно, что «плавные казаки» не были связаны ни с ямской, ни с посошной службой. Среди монастырских вотчин называются и владения в Поморских городах — в Тотемском уезде.

В Вычегодско-Вымской летописи есть данные о количестве «ратных людей», которых Яренский уезд, выделившийся к тому времени из Сольвычегодского, выставлял в период Смуты. Под 1606 г. записано: «...повеле собрати с уезду Еренсково и с Перми Великие ратные люди по сорока осьми с обоих и идти им к Москве». Под 1608 г.: «повеле государь Василей собрати с уезду Еренсково и с Великие Перми людей ратных семидесяти и идти им к Москве... Посланы ратные люди с вычегжан, вымич и сысоличь 60 на Соли Галические». Под 1609 г.: «с уезду Еренскова посланы люди ратныы в

Костромской уезд 66 человек». Под 1610 г.: «с уезду Еренскова велено взять 60 ратных людей к Вологде в полки князя Скопина-Шуйсково». Под 1611 г.: «повелением князя Дмитрея Пожарского да Прокопья Ляпунова присланы с вычегоцкие пермские мест на Ярославль ратные люди 50 человек, а в Великие Перми пятьдесят-ж». Под 1613 г.: «Воевода Еренскова городка прислал усольцов [во время нападения воровских казаков на Сольвычегодск. — О.К.] пособляти шестьдесят ратных»⁷⁰. Есть и другие документы, подтверждающие летописные сообщения под 1606⁷¹ и 1609 гг.⁷² Как видим, только в 1606 г. Яренск выставил ратных людей в полтора раза ниже полной нормы, а затем почти полностью ей соответствовал. В январе 1614 г. для действий на Новгородском фронте было велено собрать «с Вычегды и с Соли Вычегодской 100 человек пеших людей на лыжах с луки и со всяким ратным боем»⁷³.

Каянские походы

В Соловецких летописях сохранились росписи ратных людей, участвовавших в Каянских походах во время русско-шведской войны 1589–1595 гг. Они по своей форме сильно отличаются от разрядных записей: присутствует оригинальная терминология — «паны» и тому подобное; цифры округлены; представлен последовательный список командиров, а затем рядовых. Очевидно, что летописец не имел под рукой разрядной росписи, а черпал данные из других источников. Например, это могли быть списки для предоставления продовольствия, полученные монастырскими властями.

Осенью 1589 г. в Каянский похода из Шуи Корельской ходили по 400 «ратных людей» из Каргополя и Холмогор, 100 из Сумской волости, 200 из Лопских погостов, а также 50 «охочих казаков»; отряд также включал 200 служилых людей, в том числе 130 холмогорских стрельцов.⁷⁴ Неясно, на лыжах или на судах был поход. В августе–октябре 1590 г. в Соловецком монастыре вместе с сотней московских стрельцов несли гарнизонную службу «500 человек каргопольских ратных людей». Зимой 1591–1592 гг. в поход ходили «устюжан 300 человек, усольцов 200 человек, каргопольцов 400 человек, двинян 400

человек, заонежан 800 человек, с поморских волостей и с озерок 150 человек да волных казаков 40 человек». Отряд также включал около 510 служилых людей, из которых 100 холмогорских стрельцов, 192 слуг северных монастырей. Летом 1592 г. вместе со служилыми людьми гарнизонами на Соловках и в Кеми стояли 250 и 150 каргопольцев соответственно⁷⁵.

Сохранились документы о наборе Соловецким монастырём ратных людей для этих походов. 21 сентября 1589 г. в Москве был дан указ: для предстоящего Каянского похода «собрати с Соловецкого монастыря вотчин, с Кеми и с Сумского острогу, сто человек воинских людей с огненным боем, с пищальми, и велели им быти наготове»⁷⁶. В грамоте от апреля 1592 г.: «С Соловецкого монастыря и с их с монастырских волосток и с промыслов и с Онежских деревень, что у них в Турчасовском стану, по нашему указ, велено взяти князю Григорью Волконскому в поход на Каянские немцы ратных людей сто человек с пищальми, а другую сто человек велен им оставить в осаду в Сумском остроге, и они де тех ратных людей в поход и в осаду наняли монастырскою казною».⁷⁷ Этих ратников можно соотнести с упомянутыми в летописи «с поморских волостей и с озерок 150 человек». Также известна государева грамота от апреля 1590 г., в которой говорилось о льготах на два года для волостей Кереть и Ковда Кольского уезда, среди которых — «в Колу волость и в Сумской острог ратных людей, имати с них не велел»⁷⁸. Таким образом, жители пограничных волостей выставляли ратников для гарнизонной службы.

Рядом с территориальными формированиями ратных видим неких «вольных казаков». Возникает вопрос: чем они между собой отличались, если первые также были из «казаков»? Там же в летописи сообщается, что в октябре 1592 г. «ходили в Неметцкую землю под Шавонской городок атаман казачей Максим Рячин, а с ним вольных казаков 102 человеки». Следовательно, можно делать вывод: если первые набирались по указу, то последние представляли собой отряды, сформированные по собственной инициативе с целью набегов.

Примечательно, что на гарнизонную службу оставляли не ратников из пограничных волостей, которые должны были охранять свои земли, и не

воинов со слишком далёких территорий, а только из Каргопольского уезда. Также примечательно, что каргопольцев на гарнизонной службе могло быть на четверть больше, чем в походе. Если сопоставить летописные «200 усольцев» с 300 «плавными казаками» Вычегодского уезда, можно сделать вывод, что для Каянского похода на Сольвычегодск была возложена повинность в полтора раза меньше максимальной. Вернее всего, у Устюжского уезда тогда была та же норма, то есть максимум составлял 450 устюжан.

Согласно вышеприведённой разрядной записи, в 1606 г. под Москвой находилось 200 ратников с Двины и 88 ратников из Каргополя, с которыми были 23 пеших ратника из Чаронды. То есть на Двинской уезд назначили половину от нормы 1591 г., на Каргополь — четверть. В начале 1609 г. «князь Михайло Васильевич Шуйский из своая державы, из каргопольских пределов из Чарандския округи, дал на Устюжну ратных людей со всяким ратным оружием сто человек»⁷⁹. Это был ближний поход, и в него могли отправиться ратники по полной норме. Тогда как в 1612 г., когда шведы напали на Белозерский уезд, Чаронда смогла направить только 30 ратников без огнестрельного оружия, которые ушли через месяц⁸⁰. Если соотношение было как и в 1606 г. под Москвой, то Каргополь пропорционально должен был выставить как раз 400 ратников. В октябре 1613 г. царский указ в Подвинье требовал против воровских казаков, наступавших на Вагу и Каргополь, «прислать ратних людей с огненным боем и со всяким ратним оружьем двести человек наспех»⁸¹.

Документы по Перми и Вятке

От начала XVII в. до нас дошло несколько документов о службе ратных людей Перми Великой. По ним можно составить представление и про воинов других Поморских городов. Там впервые к подобной категории ратников применяется термин «даточные люди». В сентябре 1606 г. в Перми предписали собрать 32 пеших ратника и 16 ратников «за ним с запасы конных». Причём, когда пермичи двигались через Вятку, они «учали межд себя драться и из луков

стрелять⁸². Луки явно резко преобладали в стрелковом вооружении. Также видно, что ратные люди коней использовали в обозе. В декабре 1609 г. вятчане писали пермичам, что просили прислать «многих ратных людей, вскоре, с вогняным боем и со всяким ратным оружием, а была б у дву человек лошадь»⁸³.

О том, что луки в некоторых регионах преобладали ещё в начале XVII в., свидетельствует царский указ 1600 г., который разрешал соседям пермичей, — пинежанам и мезенцам, промышлявшим в земле самоедов, иметь для своих нужд «по топору человеку или по два, да ножей по два или по три ножи человеку, да по саадаку да по рогатине человеку». Больше не разрешалось, так как эти предметы запрещалось продавать самоедам. Тут примечательно, что среди заповедных товаров значились и пищали, хотя в перечне промыслового оружия они не названы⁸⁴.

Указ в Пермь в мае 1607 г. предписывал собрать «ратных людей со всяким ратным оружием с луки или с пищальми, и с топоры, и с рогатинами или с бердыши, семдесят человек; а выбрал бы еси к нем ратным людем пятидесятских и десятских из посадских и волостных из лутчих людей; а шли б те ратные люди Камою, и Волгою, и Окою до Коломны, в Пермских в легких стругах; а запас тем ратным людем велел с собою имати на все лето и до осени; а собрал бы еси тех ратных людей, которые б были собою добры, и молоды, и резвы, и из луков или из пищалей стреляти были горазди, от отцов детей, от братьи братью, и от дядь племянников, а наймитов бы и прихожих людей и зернщиков не имал; а писать велел в поручные записи пермичь посадских людей и волостных крестьян лутчих людей, что им наша служба служити и с службы до отпуску не сбежати; а старых бы и худых людей и недорослей в них однолично не было. А будет пермичи ратные люди учнут наймовати дорог, а учнут просить на месяц рубли по три и по четере, в том пермьской земли будет убытки великие, и ты б пермичам посадским людем и волостным крестьяном сказал наше жаловалное слово, что мы их пожаловали тех ратных людей дорог наймовать не велели, для их убытков, что им в наймех и в судех будут убытки великие, и дворян к ним для ратных людей послати не велели, чтоб и продаж не

было; а велели за тех ратных людей взяти денгами, по меншому найму, на три месяцы, по два рубли на месяц человеку, а в то место велим наняти ратных охочих людей на Москве и по городам». В это время на службе «в плавной рати» продолжали оставаться пермяки, собранные в прошлом году — они находились на казённом содержании⁸⁵.

В декабре 1607 г. указ в Пермь предписывал, чтобы «за ратных людей, за 70 человек, для нашея службы, к нынешнему зимнему походу, на три месяцы, по два рубля на месяц за человека, собрал тотчас; а в тех в пермских даточных людей место велели есмя наняти охочих людей на Москве по городам»⁸⁶. В отличие от более ранних источников, этот документ сообщает как о размере денежного жалованья (от 2 до 3–4 рублей в месяц), так и о принципах набора: добровольцы в ратники набирались не просто из «казаков», а только из жителей уезда — членов семей домовладельцев, за которых их земляки могли поручиться. В 1609 г. Пермские уезды должны были выставить 140 ратников («против прежних годов вдвое»), но к апрелю они отправили к Вологде только 82 человека: 20 ратников из Соликамска — полная норма, согласно сошному письму; 12 из Кайгорода, вместо 20 положенных; 50 из Чердыни, вместо 100⁸⁷. В декабре 1609 г. Пермь отправила в Вятку 100 чердынцев, по 30 усольцев и кайгородцев⁸⁸. В 1606 г. по сошному письму Пермь должна была выставить 24 ямщика, Вятка — 46⁸⁹. В Вятке было вдовое больше сох, и разделение по ратным людям должно было быть соответствующим. В апреле 1614 г. с Вятки в судовую рать брали ратных людей «ратных людей триста человек тотчас, с вогненным и с лучным боем, и рогатины б у них с прапоры были, а были б ратные люди молоды и резвы, и из пищалей бы стреляти были горазди»⁹⁰.

Комплекс вооружения в целом соответствовал норме 1562 г., но были также новинки — бердыши. Примечательно, что в этой же грамоте, от мая 1607 г. в Пермь, значится: «ратных людей семьдесят человек, с луки или с пищалями, и с топоры, и с рогатинами и со всяким ратным оружьем». Здесь, в отличие от основной части документа, не упоминаются бердыши. То есть ещё в начале XVII в. в Перми бердыши были довольно редким оружием. Также следует

отметить, что луки поставлены впереди пищалей, на основании чего можно говорить о преобладании в этом регионе метательного оружия.

Чтобы составить по возможности более полную картину вооружения ратных людей Поморских городов необходимо рассмотреть вооружение ратников соседнего с Великой Пермью региона — владений Строгановых. В 1592 г. Строгановым для похода в Сибирь предписывалось набрать в своих землях «100 человек ратных людей, с ружьями, и с луки, с кремля, и с рогатинами». При этом далее говорилось, что 50 из них «с пищалми с рогатинами и с всяким ратным боем» должны были быть направлены в судовую рать, а остальные 50 «с пищалми конных»⁹¹. Видно, что у ратников Строгановых пищали резко преобладали над луками, причём в судовой рати пищали сочетались с рогатинами. Это первое сообщение о подобном факте, известно использование стрельцами одновременно пищалей и рогатин в 1614 г. — также в судовой рати. Судя по всему судовые ратники с пищалями должны были одновременно иметь рогатины.

В апреле 1609 г. на службе под Москвой были пермские ратники «с самопалы и с луки и со всяким ратным оружием», при этом речь в документе идёт именно об оружии, с которым посылали ратников из Перми⁹². Здесь уже огнестрельное оружие поставлено впереди луков. Можно предположить, что правительство тем или иным способом стало осуществлять поставки его в Пермь или просто организовало продажу вооружения из центров производства. Подобные поставки могли включать не только огнестрельное оружие, но и холодное, чем можно объяснить появления в далёкой Перми новинки, редкой к востоку от литовской границы — бердышей.

Теперь рассмотрим расходы, которые нёс уезд, выставя ратников. В 1609 г. соликамцамцы двадцати ратным людям выдали на 4 месяца 162,91 руб., посадскому жильцу, сопровождавшему ратных — 7,6 руб., на подводы — 11,6 руб.⁹³ В 1614 г. соликамцы выставили 20 ратных людей, дали им в найм на три месяца 120 руб., на подводы до Вологды 25 руб. и целовальнику, сопровождавших ратных, — 5 руб.⁹⁴ Отсюда можно сделать вывод, что затраты

на вооружение, снаряжение и продовольствие входило в жалованье, чем объясняется его большой размер, если сравнивать с жалованьем служилых людей. Об этом прямо говорит документ, относящийся к той же эпохе и схожей категории ратных людей, но не Поморским городам. Сохранилась поручная запись пяти крестьян вологодского Прилуцкого монастыря «по конном человеке» Кузьме Евстигнееве, подрядившемся в августе 1618 г. выступить на службу «с самопалом и со всяким ратным оружием». Содержание ему определили «на лошадь и на самопал и на всякое ратное оружие и на конской корм и на свой, на всякой месяц, по четыре рубля с полтиною; а наперед он взял ратной Козма за нашу порукою наемные свои денги, месячину, по той ряде, на три месяца тринадцать рублей с полтиною». Если служба была не в Москве, а в Вологде, то месячное жалованье определялось в 2 рубля.⁹⁵ По вооружению и снаряжению можно предполагать, что если у нанимавшегося их не было, или было не полным, то он мог взять его займы. Особо примечательно в документе то, что размер жалованья зависел от дальности похода. Становится понятным, почему для пермичей в 1607 г. могли просить жалованье в 3–4 рубля вместо двух. Также отсюда ясно, отчего в дальние походы выставляли людей вполнину от полной нормы.

Проведем сравнение повинностей по ратным людям и посошным. В 1597 г. государь указывал для строительства города Тура нанять в Перми посошных людей. Требовалось 550 человек (360 пеших, 150 конных, 40 плотников), но затем смета уменьшилась до 160 (100 пеших, 50 конных, 10 плотников). Конные посошные люди на месяц должны были получать по 2,8 рубля, плотники — по 2 рубля, пешие посошные — 1,5 рубля. Всего по сокращённой смете на 3 месяца полагалось 930 рублей. При этом из Москвы прислали только 300 рублей, а остальное должна была дать Пермь, что невозможно было сделать сразу⁹⁶. Таким образом денежное обеспечение посошных людей было немногим меньше, чем у ратных, а численность обеих групп, которые мог выставить регион, была близкой. Можно даже полагать, что в посошные и ратные нанимались одни и те же люди.

Набор 1614 г.

По подсчётам С.Б. Веселовского, в 1614 г. брали примерно по 10 человек с большой сохи (800 четей)⁹⁷. Как отмечалось выше, тогда Вятка выставила 300 ратников, Сольвычегодск — 100, Соликамск — 20. С Тотьмы взяли 30 человек, с Устьянских волостей — 50⁹⁸. В 1614 г. в Вятке было 25,75 больших сох, на Двине, Кевроле и Мезени — 14,75, в Чердыне — 8, в Соли Камской — 2, Кайгородке — 2, Выми Еренской — 4,125, Пустоозере — 0,5⁹⁹, в Тотьме — 3,25, Каргополе и Турчасове — 16,5, Соли Вычегодской — 11,5¹⁰⁰. В 1619 г. в Устюжском уезде было 23 сохи¹⁰¹, Двинском уезде — 10,5¹⁰², Устьянских волостях — 431 вытей (около 5 больших сох)¹⁰³.

Таким образом, с Вятки выходило по 11,6 ратников с сохи, с Соликамска и Устьянских волостей — по 10, с Соли-Вычегодской — 8,7, Тотьмы — 9,2, Волока Пинежского Двинского уезда — 11. Таким образом по этой пропорции Двинской уезд должен был выставить 120 ратников, Устюг — 220, Каргополь — 180, Пермь — 120, Яренск — 40. Если сравнить с нормой 1578 г. для Сольвычегодская и Яренска, то получается, что нома 1614 г. была половинная. То же можно сказать по норме для Каргополя в 1589 и 1591 гг. Аналогично и по Устюгу, если принять, что в 1591 г. он, как и Сольвычегодск, послал в 1,5 раза меньше полной нормы. Для Двинского уезда получается втрое меньше, чем по норме 1589 и 1591 гг.

Что до дворовладения, то в 1622 г. в Каргопольском уезде было 4530 дворов¹⁰⁴, в Двинском уезде в 1622–1624 гг. — 4675 дворов. В Сольвычегодском уезде в 1625 г. имелось 4425 дворов, в Устюжском уезде в 1623–1626 гг. — 7776 дворов, в Тотемском — 2808¹⁰⁵. В 1620-х гг. в Устьянских волостях числилось 1977 крестьянских дворов, Чаронде — 1875¹⁰⁶. Следовательно, по полной норме Двинский и Каргопольский уездыставляли ратника с 11–12 дворов, Устюжский — с 17, Тотьма — с 47, Устьянские волости, Чаронда, Сольвычегодск — с 20.

В 1618 г. было велено собирать в Нижнем Новгороде «даточных людей с посадов и с уездов, с государевых дворцовых сел и с черных волостей, и с

патриарших и с митропольчих и с монастырских земель, и с отставных дворян и детей, и с Вятки и с Корякова, с сохи по 10 человек пеших с пищальями»¹⁰⁷. Этот документ свидетельствует, что, после переписи в общегосударственные сохи, наряды по регионам были заменены на общую норму по сохам. Также видно, что пищали вытеснили луки.

Служба в ближних походах и в самообороне

К концу 1608 г. Смута стала непосредственно затрагивать Поморские города. Там начали самостоятельно, без нарядов из Москвы, набирать ратников, распределяя их по сохам. Служба их предполагалась, в первую очередь, в соседних уездах, из-за чего набор был усиленный. При изучении документов нужно помнить, что это были не наказы на сборы, а переписка между городами, в которой имеются [наверное, редактор хотел написать «могли иметься»] определённые неточности. Для понимания степени мобилизации нужно помнить, что в городах Устюжской чети (Устюг, Соль Вычегодская, Тотьма, Устьянские волости, Чаронда) к 1614 г. уже существовали большие 800-четвертные сохи¹⁰⁸.

4 декабря 1608 г. устюжане писали вычегжанам, что для похода собирали по 10 ратников с сохи, отправив 3 декабря их в Вологду, а в Галичском уезде с сохи собирали по 50 конных и 50 пеших ратников¹⁰⁹. 6 декабря вычегодцы сообщали пермичам, что нужно собирать «как и иные города, с малые сошки по десяти человек»¹¹⁰. Также в декабре-январе вычегодцы писали пермичам, что собирали в поход с малой сошки (80 четвертей) по 4 человека, Строгановы — по 5; первая группа в 105 ратников выступила на государеву службу 30 октября, а остальные ратники, вместе с вымичами, — 16 декабря¹¹¹. Устюжане для заставы на Сухоне собирали по 5 ратников с сошки¹¹². Устюг и Сольвычегодск выставляли по 40–50 ратников с сохи. Видимо Сольвычегодск, как и Устюг, в первый набор, как и в 1614 г., собрал по 10 человек с сохи. 16 января выступили в поход на Соль Галицкую под началом двух голов ратники из Тотьмы — с сохи по 10 человек, причём до этого вперёд выслали голову

также с ратниками, собранными по десять с сохи. Всего в три набора Тотьма выставила по 30 ратников с сохи, которые расположились в заставах под Солью Галичской и Вологдой¹¹³. Устюжане писали пермичам, что 14 апреля 1609 г. «собрав ратных людей пятую рать, пятьсот человек, и прибрав к ним голов отпустили» к государевым воеводам в Ярославль, и собираются посылать ещё рать¹¹⁴. В марте 1611 г. сольвчегодцы сообщили пермичам, что они в «уезде ратных людей наняли со всяким с боевым оружием с малыя сошки по три человека и послали в Ярославль и в иные города»¹¹⁵.

С 1613 г. северные земли стали активно подвергаться набегам воровских казаков. Начали создаваться отряды самообороны, действующие вблизи своих поселений. Осенью 1613 г. в Пинеге и Мезени собирали для самообороны по ратному с сошки¹¹⁶. В 1614 г. с Волока Пинежского Двинского уезда (39 малых сошек; в большой сохе было $53 \frac{1}{3}$ сошки) дали 8 даточных под Новгород¹¹⁷, выставив при этом для самообороны по 4 человека с сошки¹¹⁸, то есть проводили чуть ли не поголовную мобилизацию, как в Галицком уезде в 1608 г. Это наглядный пример разницы между способностью дать ратников в поход и максимальными мобилизационными возможностями.

Выводы

В процессе развития Русского государства в XV–XVI вв. происходили серьезные социально-экономические изменения. По этой причине нельзя переносить способы набора, оснащения и порядок прохождения службы «пеших людей» второй пол. XVI — нач. XVII вв. на более ранний период. Если рассматривать вопросы численности, то следует помнить о процессе роста населения, а также об изменении границ. Например, граница Устюжского уезда была меньше границ Устюжского княжества.

Из приведённых нами выше данных можно составить следующую картину организации воинских сил Поморских городов второй половины XVI в. На уезд или волость возлагали обязанность выставить определённое количество ратных людей. Внутри территориальной общины набор распределялся согласно

сошному письму. Ратников набирали из числа не записанных в тягло жителей общины, за которых могли поручиться домовладельцы. Ратным людям выдавалось денежное жалование, на которое они должны были быть обеспечены вооружением, амуницией, одеждой, продовольствием и конями. Срок службы определялся в 3 месяца. Также община обеспечивала их транспортными средствами.

Размер жалования зависел от дальности похода, минимальное — 2 рубля в месяц. В дальние походы действовал наряд в 1,5–2 раза меньше полной нормы, известны наряды и вчетверо меньше полной нормы. Причём в одном походе процент от полной нормы мог быть как одинаковым для всех территорий, выставявших ратников (в 1562 г.), так и различным (в 1591, 1606 гг.). В случае обороны уезда и волостей или действий в соседних уездах могли набрать ратников больше нормы, вплоть до почти поголовной мобилизации. Известно, что к концу XVI в. полный наряд для Вычегодской земли составлял 300 ратников, Каргополя и Двинского уезда — по 400, Заонежских погостов — 800, Лопских погостов — 200, Устюга (ориентировочно) — 450.

Передвигались ратники на речных судах, а зимой — на лыжах, имея коней в обозе. Конь мог приходиться на одного, двух или трёх человек. Основным вооружением являлся лук, а холодное оружие было представлено рогатиной и топором. При этом нужно помнить, что охотничьи рогатины и плотничьи топоры для боевых целей не годились. В начале XVII в. вместо рогатин могли иногда использоваться бердыши. Пищали известны с середины XVI в., но они не имели широкого распространения. Исключением являлись воины, выставяемых с монастырских владений, из-за чего поморские ратники, начиная с 1570-х гг., в тактическом отношении соединялись с сопоставимым числом стрельцов и казаков. В судовой рати пищали сочетались с рогатинами. В период Смуты пищали постепенно вытеснили луки.

Сфера применения Поморской рати при Иване Грозном и Фёдоре Ивановиче продолжала прежнюю традицию: походы по Каме и Волге, в Северную Финляндию, оборона Берега. Новым стало участие в зимнем походе

на Литву, но в Сибири теперь действовали другие силы. К походам стали привлекать пермичей, ратников с Заонежских и Лопских погостов и поморских волостей Соловецкого монастыря использовали только в Финляндии, а из Кольского уезда — для местной обороны.

Поморские города — это земли, где охота являлась одной из основных отраслей производства. На значительной части территории первоначально жители были расписаны по «лукам», и только во второй половине XVI в. их расписали по сохам, а в некоторых районах «луки» сохранились и в XVII в. В промысловых регионах практически все мужчины образом жизни были подготовлены для войны, но в реальности только небольшая их часть отправлялась в походы. Выше было видно, что даже в ближний поход собирали по ратнику с 10–20 дворов, а в дальние набор был в 1,5 и 2 раза меньше. Для сравнения — в начале 1650-х гг. для двух солдатских полков с Важской земли собрали 3000 рекрутов, по солдату с 4 дворов. Если в конце XVI в. Заонежские и Лопские погосты могли отправить в Каянский поход 1000 ратников, то в 1654–1655 гг. солдатские пашенные полки, созданные там же, направили в Литву 4000 солдат из общего количества в 8000.

В чём причина такой диспропорции? Сразу всплывает экономический фактор — обеспечение солдат шло через центральную власть. Количество ратников, выставляемых Поморскими городами, наглядно показывает, какой процент от общего количества населения можно направить на войну, используя только свои экономические ресурсы: получается менее процента даже в ближний поход. Огромное денежное обеспечение ратников — от 24 рублей в год, не считая расходы на транспортные средства, наглядно демонстрирует экономические затраты. Очень показательное летописное известие о том, что в 1469 г. из казны пришлось полностью переоснастить вернувшихся из не очень продолжительного похода устюжан одеждой, луками и стрелами. Поэтому следует помнить, что одежда, луки, пищали, как и металлические доспехи, в походе достаточно быстро изнашивались, не говоря о необходимости

пополнения боезапаса и обеспечение продовольствием. Из-за этого каждый раз и приходилось выделять большие денежные средства на оснащение ратников.

Поэтому именно с экономической точки зрения нужно всегда рассматривать военные возможности обществ с «милитаризованным хозяйством» (охота, кочевья и пр.). Всё взрослое мужское население региона (20–30% от общего числа) может иметь воинские навыки, орудием производства может быть оружие (луки, ружья), повседневные средства передвижения могут иметь боевое назначение (верховые лошади, речные суда, лыжи), но всё это совсем не значит, что данный регион способен был выставить в полноценный поход до 20% или даже 10% всего населения, опираясь преимущественно на собственные экономические ресурсы.

¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 2001. — Т. VI. — Вып. 2. — С. 409.

² ПСРЛ. — СПб., 1901. — Т. XII. — С. 62.

³ Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года (далее — ЗКПП) / Публ. К.В. Баранова // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 123.

⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее — РК 1475–1598). — М., 1966. — С. 155.

⁵ ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. XXXVII.

⁶ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись / Публ. П.Г. Доронина // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. — Сыктывкар, 1958. — Вып. 4. — С. 257–271.

⁷ ПСРЛ. — М., 1949. — Т. XXV. — С. 239; ПСРЛ. — Т. XXXVII. — С. 82; ПСРЛ. — СПб., 1863. — Т. XV. — С. 485.

⁸ ПСРЛ. — Л., 1925. — Т. IV. — Ч. 1. — Вып. 2. — С. 345.

⁹ ПСРЛ. — М., 2007. — Т. XVIII. — С. 141.

¹⁰ ПСРЛ. — Т. XXXVII. — С. 81.

¹¹ ПСРЛ. — Т. XXV. — С. 280.

¹² ПСРЛ. — Т. XXXVII. — С. 83.

¹³ Там же. — С. 84.

-
- ¹⁴ Там же. — С. 91.
- ¹⁵ Там же. — С. 92.
- ¹⁶ Там же. — С. 90.
- ¹⁷ Там же. — С. 91.
- ¹⁸ ПСРЛ. — М., 1959. — Т. XXVI. — С. 275–276.
- ¹⁹ ПСРЛ. — Т. XXXVII. — С. 95.
- ²⁰ ПСРЛ. — Т. XXVI. — С. 290.
- ²¹ Там же. — С. 291.
- ²² ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. XXIII. — С. 159.
- ²³ ПСРЛ. — Т. XXXVII. — С. 96.
- ²⁴ Там же. — С. 98.
- ²⁵ ПСРЛ. — М.–Л., 1963. — Т. XXVIII. — С. 327.
- ²⁶ ПСРЛ. — Т. XXXVII. — С. 98.
- ²⁷ ПСРЛ. — Т. XXVIII. — С. 328.
- ²⁸ ПСРЛ. — Т. XXXVII. — С. 99.
- ²⁹ Там же. — С. 100.
- ³⁰ Там же. — С. 102.
- ³¹ Там же. — С. 103.
- ³² Там же. — С. 86.
- ³³ Там же. — С. 91–92.
- ³⁴ ПСРЛ. — Т. XV. — С. 280.
- ³⁵ Там же. — С. 290.
- ³⁶ ПСРЛ. — М.–Л., 1950. — Т. III. — С. 425.
- ³⁷ Там же. — С. 41.
- ³⁸ ПСРЛ. — Пг., 1915. — Т. IV. — Ч. 1. — Вып. 1. — С. 303–304; ПСРЛ. — Т. XXXVII. — С. 78.
- ³⁹ РК 1475–1598. — С. 28.
- ⁴⁰ ПСРЛ. — Т. XV. — С. 296.
- ⁴¹ Там же. — С. 281–282.

-
- ⁴² Зайцев И.В. Вологодский служилый «город» в XV — начале XVI века // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Новое время: Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. — М., 2010. — С. 672–681.
- ⁴³ ПСРЛ. — СПб., 1904. — Т. XIII. — Ч. 1. — С. 146.
- ⁴⁴ Там же. — С. 164.
- ⁴⁵ Там же. — С. 178.
- ⁴⁶ Там же. — С. 231.
- ⁴⁷ Там же. — С. 236, 266.
- ⁴⁸ ПСРЛ. — СПб., 1906. — Т. XIII. — Ч. 2. — С. 446.
- ⁴⁹ Продолжение хронографа редакции 1512 года / Публ. С.О. Шмидта // Исторический архив. — М.–Л., 1951. — Т. VII. — С.290.
- ⁵⁰ Сборник Российского Императорского исторического общества. — СПб., 1887. — Т. 59. — С. 449.
- ⁵¹ Разрядная книга 1475–1605 (далее — РК 1475–1605). — М., 1982. — Т. I. — Ч. III. — С. 478.
- ⁵² ЗКПП. — С. 123.
- ⁵³ Там же. — С. 125.
- ⁵⁴ ПСРЛ. — Т. XIII. — Ч. 2. — С. 364.
- ⁵⁵ Документы о сражении при Молодях / Публ. В.И. Буганова // Исторический архив. — 1959. — № 4. — С. 174, 176.
- ⁵⁶ Там же. — С. 170.
- ⁵⁷ Акты XVI — начала XVII века из местнических дел / Публ. К.В. Баранова // Русский дипломатарий. — М., 2001. — Вып. 7. — С. 50.
- ⁵⁸ Разрядная книга 1475–1605. — М., 1982. — Т. II. — Ч. II. — С. 405–406.
- ⁵⁹ Там же. — С. 437.
- ⁶⁰ Разрядная книга 1550–1636 гг. — М., 1976. — Т. II. — Вып. 1. — С. 154.
- ⁶¹ Там же. — С. 145.
- ⁶² Разрядные книги 1598–1638 гг. — М., 1974. — С.36.

-
- ⁶³ РК 1475–1605. — М., 1984. — Т. III. — Ч. I. — С. 62.
- ⁶⁴ ПСРЛ. — М., 1978. — Т. XXXIV. — С. 224.
- ⁶⁵ Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. / Публ. А.А. Зими́на, А.А. Копанева // Материалы по истории Европейского севера СССР: Северный археографический сборник. — Вологда, 1970. — Вып. I. — С. 438–442.
- ⁶⁶ Там же. — С. 434.
- ⁶⁷ Зимин А.А. К изучению таможенной реформы середины XVI в. // Исторический архив. — 1961. — № 6. — С. 130–131.
- ⁶⁸ Акты собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией (далее — ААЭ). — СПб., 1836. — Т. I. — С. 416.
- ⁶⁹ Новые документы по истории землевладения Николо-Угрешского монастыря / Публ. А.М. Прокопенко // Русский дипломатарий. — М., 1997. — Вып. 2. — С. 65–66.
- ⁷⁰ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. — С. 268–269.
- ⁷¹ Акты XVI - начала XVII века из местнических дел. — С. 50.
- ⁷² Акты исторические (далее — АИ). — СПб., 1841. — Т. II. — С. 209.
- ⁷³ Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. — М., 1908. — С. 94.
- ⁷⁴ Соловецкий летописец конца XVI в. / Публ. В.И. Корецкого // Летописи и хроники. 1980. — М., 1981. — С. 241–242.
- ⁷⁵ Малоизвестные летописные памятники / Публ. М.Н. Тихомирова // Исторический архив. — М.–Л., 1951. — Т. VII. — С. 234–235.
- ⁷⁶ ААЭ. — Т. I. — С. 418.
- ⁷⁷ Там же. — С. 430.
- ⁷⁸ Там же. — С. 419–420.
- ⁷⁹ Русская историческая библиотека (далее — РИБ). — СПб., 1875. — Т. II. — С. 800.

-
- ⁸⁰ Смутное время Московского государства. — М., 1911. — Вып. 5: Акты Подмосковный ополчений и Земского собора. — С. 86.
- ⁸¹ Дополнения к Актам историческим (далее — ДАИ). — СПб., 1846. — Т. II. — С. 21.
- ⁸² ААЭ. — Т. II. — С. 136–137.
- ⁸³ АИ. — Т. II. — С. 324.
- ⁸⁴ Там же. — С. 28.
- ⁸⁵ ААЭ. — Т. II. — С. 162
- ⁸⁶ АИ. — Т. II. — С. 113–114.
- ⁸⁷ ААЭ. — Т. II. — С. 265; АИ. — Т. II. — С. 209, 252.
- ⁸⁸ Смутное время Московского государства. — М., 1914. — Вып. II: Акты времени правления царя Василия Шуйского. — С. 47; АИ. — Т. II. — С. 324.
- ⁸⁹ ААЭ. — Т. II. — С. 124.
- ⁹⁰ РИБ. — Т. II. — С. 334.
- ⁹¹ ДАИ. — Т. I. — С. 230.
- ⁹² АИ. — Т. II. — С. 236–237.
- ⁹³ ААЭ. — Т. II. — С. 265.
- ⁹⁴ АИ. — Т. III. — С. 45.
- ⁹⁵ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. — СПб., 1838. — С. 311.
- ⁹⁶ РИБ. — Т. II. — С. 57–61.
- ⁹⁷ Веселовский. С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. — С. 18–19.
- ⁹⁸ Там же. — С. 95.
- ⁹⁹ Там же. — С. 21, 23.
- ¹⁰⁰ Там же. — С. 75.
- ¹⁰¹ Приходно-расходные книги Московских приказов 1619–1621 гг. — М., 1983. — С. 387.
- ¹⁰² Там же. — С. 66.

-
- ¹⁰³ Там же. — С. 388.
- ¹⁰⁴ Васильев Ю.С. Каргопольский уезд // Аграрная история Северо-запада России XVI века. — Л., 1978. — С. 39–46.
- ¹⁰⁵ Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. — М., 1909. — Т. 1. — С. 123–124.
- ¹⁰⁶ Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне в России. Поморье в XVII веке. — М., 1997. — С. 35.
- ¹⁰⁷ Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1822. — Ч. III. — С. 178.
- ¹⁰⁸ Веселовский. С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. — С. 23–24.
- ¹⁰⁹ ААЭ. — Т. II. — С. 185.
- ¹¹⁰ АИ. — Т. II. — С. 139.
- ¹¹¹ ААЭ. — Т. II. — С. 190, 200.
- ¹¹² Там же. — С. 201.
- ¹¹³ ААЭ. — Т. II. — С. 202.
- ¹¹⁴ АИ. — Т. II. — С. 252.
- ¹¹⁵ Смутное время Московского государства. — М., 1915. — Вып. 3: Акты времени междуцарствия. — С. 7.
- ¹¹⁶ ДАИ. — Т. II. — С. 20.
- ¹¹⁷ Веселовский. С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. — С. 101.
- ¹¹⁸ Там же. — С. 100.